

*Р.И.Капелюшников,
кандидат экономических наук,
ИМЭМО РАН*

Переходный процесс: почему не оправдались исходные ожидания?

Сравнение исходных прогнозов, которые делались на старте реформ для бывших социалистических стран, с реалиями трансформационного процесса приводит к любопытному, если не сказать парадоксальному, заключению. Хотя начальные ожидания и конечные результаты оказались весьма

© Р.И.Капелюшников, 2003

далекими друг от друга, очень часто расхождения между ними имели противоположный знак. В одних случаях налицо "недолет", в других — "перелет".

Так, с одной стороны, издержки "расставания" с социализмом, как отчетливо видно в ретроспективе, были явно недооценены. Никто не ожидал, что трансформационный кризис может растянуться на целое десятилетие или что объем производства может сократиться почти вдвое, как это произошло в ряде реформируемых экономик. Переходный процесс оказался мучительным и тяжелым, вызывал резкое падение уровня жизни и осуществлялся с сильнейшей "пробуксовкой". Не только в России, но и в других постсоциалистических странах переходного периода и связанные с ними издержки на порядок превосходили то, что рисовалось воображению экспертов перед началом реформ. Об этом говорят как объективные статистические данные, так и субъективные оценки перенесенных тягот, которые дают сами жители этих стран.

С другой стороны, реакция постсоциалистических обществ на перенесенные потрясения оказалась на удивление приглушенной и "невзрывной". Первоначальные прогнозы, которые делались западными экспертами, исходили из того, что и десятой доли подобных потрясений будет достаточно, чтобы спровоцировать масштабный социальный взрыв. Отсюда — сильнейшая озабоченность тем, чтобы рыночные преобразования не привели к возникновению критической массы "проигравших", к потере политической поддержки реформаторскими правительствами и к приходу к власти реставраторских сил. Особые опасения вызывали профсоюзы, протест которых против даже умеренного падения доходов или умеренного роста безработицы, казалось, мог породить совершенно непредсказуемые политические последствия.

Однако если принять во внимание масштаб шоков, обрушившихся на бывшие социалистические страны, то с полным правом можно утверждать, что процесс трансформации протекал в них на редкость бесконфликтно. Забастовочная активность сохранялась на поразительно низком уровне; стихийные массовые выступления тоже, как правило, оставались достаточно немногочисленными. Очередной шок чаще всего приводил не к всплескам коллективного сопротивления, а к активизации индивидуальных стратегий выживания.

Чем же можно объяснить такое необычное сочетание сверхсильных шоков со сверхслабой социальной и политической реакцией на них? Почему исходные ожидания, формулировавшиеся лучшими умами мирового экспертного сообщества и имевшие под собой, казалось бы, вполне рациональную основу, так капитально разошлись с реальностью?

У меня есть простая, даже "простодушная" гипотеза, почему так произошло. Дело в том, что как первоначальные программы реформирования плановых экономик, так и первоначальные про-

гнозы о возможной реакции на эти преобразования со стороны общества строились, в основном исходя из опыта, накопленного странами Латинской Америки. В этом легко убедиться, обратившись, например, к положениям знаменитого "Вашингтонского консенсуса". На тот момент государства Латинской Америки представляли собой единственную более или менее представительную выборку стран, где в течение многих десятилетий предпринимались попытки масштабных экономических и политических преобразований — как успешные, так и неуспешные. Естественно, что именно их опыт стал отправным пунктом для разработки предварительной программы реформ в бывших социалистических странах и для предварительной оценки их возможных социальных эффектов.

Однако логика аналогий, как это с ней нередко бывает, дала очевидный сбой. С институциональной точки зрения ситуация в странах Латинской Америки кардинальным образом отличалась от ситуации в странах Центральной и Восточной Европы.

Во-первых, в Латинской Америке устоявшаяся система формальных "правил игры" существовала и функционировала давным-давно, и вопрос о ее тотальной замене никогда не стоял. В отличие от этого в бывших социалистических странах здание формальных институтов было почти разрушено (как в России) или зияло множеством провалов, так что его нужно было либо возводить практически с нуля, либо браться за его капитальный ремонт. Предельно упрощая ситуацию, можно сказать, что центральная проблема, стоявшая перед первой группой стран, заключалась в том, как в рамках сложившихся институциональных ограничений наладить проведение ответственной и рациональной экономической политики (чего не удавалось добиться десятилетиями), тогда как центральная проблема, стоявшая перед второй группой стран, состояла в отстраивании самих этих институциональных рамок. Повестка дня была здесь намного шире и никак не сводилась просто к выработке разумной макроэкономической политики. Сегодня все признают, что ключевое значение институциональных реформ для постсоциалистических экономик было явно недооценено. Тот факт, что саму систему формальных "правил игры" приходилось отстраивать буквально на ходу, как раз и объясняет, почему издержки трансформационного процесса оказались столь велики, намного превзойдя оценки, которые высказывались на старте реформ.

Во-вторых, в странах Латинской Америки издавна существуют мощные консолидированные группы со специальными интересами. Вот — профсоюзы, вот — объединения предпринимателей, вот — церковь, вот — военные и т.д. И стоит правительству хоть немного наступить на их интересы, как это рикошетом бьет по всему обществу и оно идет вразнос. (Достаточно вспомнить хотя бы недавние события в Венесуэле.) В постсоциалистических странах сопоставимые по мощи организованные группы либо отсутствовали, либо быстро утрачивали

былое влияние, как, скажем, случилось с польской "Солидарностью". Подобное институциональное устройство служило своеобразной "подушкой безопасности", когда даже сверхсильные шоки гасились без особого ущерба для устойчивости всей системы. Чаще всего их удавалось амортизировать, не доводя дело до саморазрушительных социальных конфликтов. Особенно яркий пример деятельности подобного механизма амортизации дает Россия.

А отсюда следуют два достаточно простых практических вывода.

Во-первых, слишком тесное сближение российского опыта с опытом латиноамериканских стран (а это излюбленный прием многих отечественных исследователей) едва ли продуктивно. В большинстве случаев оно искажает реальную картину происходящего. Слишком уж по-разному устроены эти общества, чтобы рассуждения по аналогии могли оказываться полезными. На мой взгляд, различия между ними настолько фундаментальны, что заведомо переешивают любые возможные сходства.

Во-вторых, если и в самом деле на протяжении всего пореформенного десятилетия в России действовал описанный механизм амортизации шоков, то тогда пристрастие значительной части отечественных исследователей к катастрофическим прогнозам и апокалипсическим сценариям, по-видимому, не поддается рациональному обоснованию. Было бы крайне любопытно, если бы организаторы нашей встречи провели небольшое эмпирическое исследование и подсчитали, сколько Кассандр за время существования симпозиума всходило на его трибуну, сколько катастрофических прогнозов о неизбежности социального взрыва, распада страны и т.д. с нее прозвучало и сколько из них сбылось. Если я прав, то процент "попаданий" должен быть близок к нулю.

Конечно, катастрофизм — это как первая любовь, он не ржавеет и не проходит. Но у меня есть предложение ко всем участникам симпозиума: взять передышку года на три и хотя бы в течение этих лет попытаться обойтись без апокалиптических предсказаний. В ближайшей перспективе никаких объективных оснований для серьезных потрясений вроде бы не видно, а если даже какой-нибудь шок неожиданно-негаданно все-таки выскочит из-за угла, то, скорее всего, он будет погашен тем же способом, каким были погашены многочисленные шоки 1990-х годов.

С учетом этих наблюдений на вопрос о стабильности/нестабильности можно было бы ответить так. Конечно, в 1990-е годы российское общество по любым стандартам было исключительно нестабильным, резкие перемены были частыми, обрушивались внезапно и ломали привычные условия жизни миллионов людей. Но если говорить о массовой реакции на происходившие перемены, то можно только поражаться устойчивости российского общества и степени его нечувствительности к импульсам саморазрушения, которую оно демонстрировало на протяжении всего пореформенного периода.